

УДК 821.09-6+929[Гримм+Румянцевы]

ДИАЛОГ В ПЕРЕПИСКЕ Ф. М. ГРИММА С Н. П. И С. П. РУМЯНЦЕВЫМИ: МЕЖДУ ИНТИМНЫМ И ЧАСТНЫМ

Е. А. Сасова

Сасова Елена Александровна, аспирант кафедры истории зарубежной литературы, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, sassova.elena@gmail.com

В статье проанализированы различные аспекты эпистолярного взаимодействия в переписке Ф. М. Гримма и Н. П. и С. П. Румянцевых, роль диалога в письменном общении и влияние галантной традиции на развитие интимного начала в частной переписке, которое привело к эволюции жанра на рубеже XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: Гримм, Румянцев, эпистолярный жанр, диалог, галантное письмо, частное письмо.

**A Dialogue in F. M. Grimm's Correspondence
with N. P. and S. P. Rumyantsev: between the Intimate
and the Private**

Е. А. Sasova

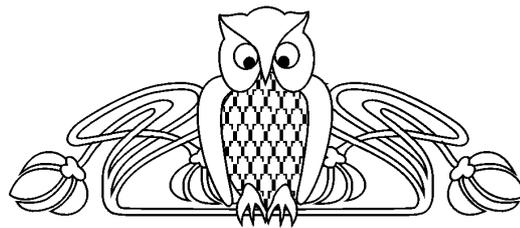
Elena A. Sasova, ORCID 0000-0002-3983-1288, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia, sassova.elena@gmail.com

The article analyzes different aspects of the epistolary interaction in F. M. Grimm's correspondence with N. P. and S. P. Rumyantsev, the dialogue role in the written communication and the impact of the courteous tradition on the development of the intimate principle in a private correspondence which facilitated the genre evolution at the turn of the XVIII–XIXth centuries.

Key words: Grimm, Rumyantsev, epistolary genre, dialogue, courteous letter, private letter.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-40-44

Переписка Фридриха Мельхиора Гримма (1723–1807) с графами Николаем Петровичем (1754–1826) и Сергеем Петровичем (1755–1838) Румянцевыми представляет собой широкий корпус писем, отправленных в период с 1774 по 1801 г. Знакомство автора «Литературной корреспонденции» и сыновей фельдмаршала П. А. Румянцева состоялось в Санкт-Петербурге при дворе Екатерины II, куда Гримм прибыл в 1773 г. По просьбе матери Николая и Сергея, графини Екатерины Михайловны, в 1774 г., на обратном пути в Париж, Гримм сопровождает молодых аристократов в Лейденский университет; в 1775 г. они совершают второе общее путешествие, на этот раз в Италию¹. Потом их встречи становятся редкими и непродолжительными, но дружеские отношения удается поддерживать в переписке, которая длилась почти тридцать лет до смерти Гримма.

Сопоставление беседы и письма – одно из общих мест эпистолярных штудий. Один из главных теоретиков эпистолярного жанра Эразм Роттердамский определяет письмо как «практически взаимную беседу друзей, находящихся на значительном удалении друг от друга»². На практике это выражается в том, что корреспонденты регулярно описывают свои письменные контакты как «болтовню», «разговор» или вводят в письмо элементы диалога.

Здесь необходимо оговорить важный момент: если диалогичность письма признавалась всеми авторами, начиная с Цицерона, то внутреннее риторическое содержание этого диалога значительно изменилось в XVII–XVIII вв. Как пишет Марк Фюмароли, «по мере того как школьная и ученая риторика становится смешной и неуместной, французскую словесность захватывает иная риторика, которая хоть и разделяет с первой большинство понятий, но принадлежит области приятного досуга, потому и диалог получается совершенно иным. Французские письма стремятся стать подобием “Риторических наставлений” Квинтилиана, но предназначенных не для ораторов, а для порядочных людей, проводящих досуг в элегантно беседе, которую не преподают в учебных заведениях»³. Таким образом, мы имеем дело с риторикой нового типа, основанной на принципе галантного остроумия и «приятности». Письмо в XVII–XVIII вв. соотносится не со степенной беседой, а с легким диалогом *causerie*, который нашел свое отражение и в письмах Ф. М. Гримма к графам Румянцевым.

Основное отличие эпистолярного диалога от устного, по мнению многих исследователей (Б. Мелансон, Дж. Алтман, Б. Редфорд, Ж. Ружо), является формальным: письмо – это письменная передача уже состоявшейся или гипотетической беседы, при этом оба типа коммуникации, по их мнению, имеют общую основу. «Письмо заимствует у беседы и диалога различные приемы, что позволяет провести аналогию между двумя этими практиками; при этом письмо подчиняет эти заимствования требованиям эпистолярного стиля», – так описывает отношение письма и диалога Бенуа Мелансон⁴. Основным «требованием», которые упоминает Мелансон, является восполнение средствами языка обязательных для устной беседы невербальных знаков. Например, Дидро в письме княгине Дашковой описывает всю мизансцену их предполагаемой беседы: «Вы видите, что

я говорю так, как будто бы я был рядом с Вами, как обыкновенно я веду беседу, а вы стоите, опершись рукой на каминную полку, и изучаете мое лицо <...>⁵. В одном из писем Гримму философ отсылает своего корреспондента к уже знакомой ему ситуации: «А здесь представьте мой тон и выражение моего лица»⁶.

Подобные эпизоды часто встречаются и в переписке Гримма с графами Румянцевыми. Например, в 1789 г. он описывает возможную беседу с Николаем Петровичем: «Вы бы ответили на мои дурные предчувствия, Вы бы над ними посмеялись, и от того мне бы стало спокойнее» (2 апреля 1789, д. 37, л. 5)⁷. Другое письмо он завершает, как бы «бросая» реплику своему собеседнику: «Скажите, что Вы меня любите, и можете рассчитывать на самую нежную привязанность Вашего одинокого друга» (22 января 1785, д. 32, л. 2). В некоторых случаях письмо становится материальным субститутутом собеседника, так как Гримм описывает именно невербальную составляющую диалога: «Думая обо всем этом, я остаюсь холоден, как мрамор, но я обнимаю Вас со всей нежностью моего сердца, и тем отогреваюсь» (17 февраля 1785, д. 32, л. 4). В этих отрывках очевидны попытки автора создать в эпистолярном пространстве иллюзию контакта с любимым другом и полного согласия между ними, речь идет об идеальном диалоге, когда голоса собеседников будут звучать в унисон.

В письмах к Сергею Петровичу Гримм использует диалогические возможности эпистолярной гораздо шире, поэтому их беседа представляется более оживленной и более приближенной к образцу светской *causerie*. Гримм возражает («Я расшифровал, как смог, то что Вы говорите по поводу лакеев, и вновь я имею несчастье быть с Вами не согласен» (30 декабря 1774, д. 39, л. 26)), соглашается («Кто бы мог подумать, что в такой сложной ситуации мы воскликнем одно и то же, мы, не могущие договориться ни по одному принципиальному вопросу!» (12 декабря 1774, д. 39, л. 35)), умиляется («Мое дорогое неблагодарное дитя, я не смог сдержать улыбки от Вашего восклицания „Ах, Гримместофиле!“» (31 марта [1775], д. 40, л. 20)) или отчитывает Сергея Петровича за грустный тон его писем («Вы не только великий Серж, но Вы второй Иеремия, плачущий и стенающий без конца и без причины» (без даты, д. 39, л. 3)). В определенных контекстах он с легкостью превращает диалог в своего рода «трилог», включая в беседу Николая Петровича: «Вот, что я смиренно предлагаю Вашему вниманию и – менее смиренно – внимаю Вашего брата, которой разрешает мне больше вольности, чем великий Серж, и позволяет отдаться простоте моих суждений» (30 декабря 1774, д. 39, л. 26).

Во всех этих примерах диалогичность текста оказывается на первом плане, однако она не является следствием переноса устного разговора на бумагу. Анализ эпистолярных текстов Гримма

дает повод думать, что, в отличие от Дидро, он не считал письмо вынужденной заменой беседы и разделял две светские практики. По мнению Антуана Лилти, «хоть образ письма как письменной светской беседы и стал общим местом <...> корреспонденции формируют отдельный пласт светской социальности»⁸, и это высказывание применимо к Гримму в полной мере. Он поддерживал огромную эпистолярную сеть, проводя целые дни за письменным столом, при этом большинство своих корреспондентов, особенно иностранных, он видел крайне редко или единожды. Поэтому вывод о том, что именно эпистолярный был для него привычной и основной формой общения, а не вынужденным суррогатом личной встречи, кажется правомочным.

Далее, уже в первых письмах Сергею Румянцеву Гримм развивает не классическое для эпистолярной видение расставания. Идея расставания и невозможности встретиться немедленно лежит в основе самого жанра, поэтому многие исследователи называют письмо «беседой одиночества и разочарования», которая, однако, позволяет пережить разлуку⁹. Дж. Элتمان метафорически определяет главную функцию эпистолярной формы как *to bridge the gap* – «перебросить мост через пропасть»¹⁰. Действительно, письмо служит проводником между двумя корреспондентами, заполняет разделяющую их пустоту и потому носит эйфорический характер. Это можно наблюдать в переписке с Николаем Петровичем, где мысли о расставании и страдании находятся в неразрывной связи и иллюстрируют привычное видение эпистолярности. Напротив, обращаясь к его брату, Гримм трактует расставание не как преграду общению, но как феномен позитивный, более того – как необходимое условие для продолжения их эпистолярного диалога. Прямой контакт воспринимается теперь как угроза, а восемьсот миль, разделяющие Париж и Лейден, где находится на учебе граф, – как благословение. Многократно он повторяет в своих письмах эту мысль. Обсуждая возможное совместное путешествие в Италию, Гримм пишет: «И я имел неосторожность снова собраться с Вами в дорогу. То-то у меня будет время, чтобы раскаяться в этом!» (без даты, д. 39, л. 20). А по поводу уже свершенной поездки из Петербурга в Лейден он говорит: «Я вздрагиваю, когда подумаю о тех шести месяцах, что мы провели в этой карете» (без даты, д. 39, л. 7).

При этом он неустанно, в характерном сентименталистском стиле, подчеркивает жажду физического контакта со своим корреспондентом: он «душит его в объятиях» (без даты, д. 39, л. 4), «целует более нежно, чем хотел бы» (12 июня 1775, д. 40, л. 22), и даже жалеет, что у Румянцева не «двести шек, чтобы не завершать так скоро поцелуи» (20 мая 1778, д. 41, л. 9). Эти взаимоисключающие эпизоды сосуществуют в рамках одной корреспонденции или даже в рамках одного письма по той причине, что Гримм переносит их

диалог в исключительно эпистолярную плоскость, и письмо – это уже не заменитель настоящей беседы, но сама реальность. И в этой эпистолярной реальности он воссоздает желаемый тип общения с графом, выводит на первый план тот диалог, что для него наиболее значим, а факты реального общения теряют важность.

Свою переписку с Румянцевым Гримм строит во многом на основе галантной модели. Эта модель, родившаяся в салонных беседах XVII в. и перешедшая вскоре в эпистолярный жанр, подразумевает «приятную непринужденную веселость» и «деликатность выражений, грациозность, разнообразие»¹¹. В российской эпистолярности того периода, во многом под влиянием Екатерины II, галантная модель получает большое развитие, и можно утверждать, что Сергей Румянцев был с ней хорошо знаком и даже имел репутацию «литератора» при дворе. В «Автобиографии» он пишет: «Граф был столько счастлив, что Императрица Еката[рина II], полюбя его, открылась тогда Господи ну Гримму, что необыкновенного в нем человека усматривает. Придумала даже она завести в Эрмитаже забаву письменную, к которой из молодых людей приглашались токмо два графа Румянцевы. Двор и город не оставил сего обстоятельства без замечания <...>»¹². Поэтому представляется логичным, что переписка Гримма и Румянцева строилась именно по этой модели, знакомой обоим и бывшей, если можно так выразиться, стандартом эпистолярного жанра той эпохи. Ей свойственен, по сравнению с образцами риторического письма, рокайльный интерес к детали, к интимным сторонам жизни, желание заключить мысль в изящную остроумную форму, подчас даже более важную. Кроме этого, галантную модель характеризует «двойственный шутивно-иронический подтекст», например, в развернутых пассажах о будущем величии Сергея Румянцева, где Гримм балансирует на грани восхваления и издевки, эпистолярной игры масок и гиперболизированных образов¹³ (в одном из писем Гримм «готов курить фимиам перед статуей» (31 августа 1783, д. 42, л. 6) своего собеседника).

Однако одновременно с этим в переписке Гримма и С. Румянцева существует немало свидетельств отхода от галантной модели. В частности, это очевидно в отрывках, касающихся болезни. Ален Виала, анализируя приметы галантности в различных эпистолярных контекстах, приводит в пример письмо Венсана Вуатюра, мастера галантной переписки, который весьма подробно описывает великокняжеской даме мучившую его болезнь, которая «пригвоздила» его к кровати, ни разу не упомянув ни существующих симптомов, ни названия мучавшего его фурункула, ни места его расположения¹⁴. Напротив, Гримм не стесняясь говорит о своем «треснувшем кишечнике» (без даты, д. 39, л. 5), «кошмарном насморке» (27 октября 1774, д. 39, л. 22), представляет, как страдающий от лихорадки Румянцев «обливается

потом» (19 июня 1775, д. 40, л. 23). Такого рода подробности невозможны для истинно галантного диалога и тем более письма, но, с другой стороны, они вводят собеседника в мир интимности, которая в этом случае не может сосуществовать с галантным остроумием

Кроме того, немалую роль играет чувствительность, выражающаяся, помимо всего прочего, и в сентименталистском *goût des larmes*. Слезы имеют большое значение для переписки Гримма с Румянцевыми и служат вехой для обозначения момента высшего эмоционального накала в письме. Авторы отдают себе отчет в важности этого знака и «расходуют» его бережно, неизменно в контексте физического контакта. «Я два раза, даже три, видел, как проливаются эти слезы, слезы *mein Liebchen*, и три раза я почувствовал, какую власть они имеют надо мной» (26 июня 1775, д. 40, л. 26), – пишет Гримм; в другом эпизоде он буквально «чувствует потоки слез, что душат» (без даты, д. 39, л. 18) его друга. Такая же повышено эмоциональная реакция на слова и жесты собеседника характерна и для его переписки с Н. П. Румянцевым. Здесь она приобретает порой гипертрофированные формы, Гримм широко использует метафору жизни и смерти, чтобы ярче описать свое состояние: «Я никогда не открывал Ваших писем хладнокровно, но теперь я содрогаюсь, распечатывая их, будто ожидаю приказа о помиловании или смертный приговор» (3 ноября 1783, д. 30, л. 1). Таким образом, можно сделать вывод, что чувствительность, эмоциональность, даже слезливость служат в эпистолярном жанре переходным моментом от интимно-галантного к интимно-частному, так как являются неизменным компонентом обеих моделей.

Само по себе соотношение интимного и частного в эпистолярном жанре вплоть до конца XVIII – начала XIX в. было крайне сложным, а в указанный период произошли кардинальные изменения, которые отличают современное видение письма от видения XVII–XVIII вв. Со времен Античности письмо воспринималось как публичный риторический жанр, который, по выражению С. С. Аверинцева, «воспроизводит как бы в миниатюре общий облик культуры слова»¹⁵. Глубокие сдвиги, произошедшие в эпистолярном жанре в XVII в., не затронули публичного аспекта: письмо, хоть и интимное, по-прежнему принадлежало области общественного, и возможность его чтения в салоне, цитирования в других письмах, распространения в списках вплоть до публикации подразумевалась сама собой. Такого рода «литературность» жанра накладывала определенные ограничения на стиль и манеру письма. Исследователи утверждают: «Только в XIX веке письмо станет, наконец, областью интимного, благодаря новой концепции личности и приватизации самого эпистолярного акта»¹⁶.

Переписка Гримма и С. Румянцева особенно интересна тем, что здесь с самого начала письмо

стремится закрепить за собой статус частного высказывания. Мы наблюдаем развитие интимного аспекта в галантной модели вплоть до того момента, как интимное начинает превалировать над заботой о красоте и остроумии, заставляет забыть о публичной стороне написанного. Изначально Гримм желал навязать братьям общую переписку, т. е. адресовать им одно письмо (каждому по очереди) и так же получать только один ответ. Но, если судить по содержанию первых писем, такое предложение вызвало возмущение Сергея Петровича. «Я не знаю, дорогой неблагодарный Сerezка, на что Вы жалуетесь. Если я не адресовал мое письмо непосредственно Вам, то, по крайней мере, я наполнил его нежностью, от которой я никак не избавлюсь и которой Вы не заслужили» (21 ноября 1774, д. 39, л. 28), – оправдывается в одном из писем Гримм. Это приведет к разделению двух переписок в угоду желаниям графа, однако, как было отмечено выше, этот процесс еще далек от разграничения частного и публичного в письме.

Гримм неоднократно адресует к третьим лицам через Румянцева, прямо указывает на необходимость показать его послание Николаю Петровичу или матери, графине Екатерине Михайловне. В их письмах отражается этот конфликт «древних» и «новых», когда привычная галантная модель, все еще широко представленная в эпистолярном жанре, вступает во взаимодействие с областью интимного, чтобы из нее возникла новая диалогичность, которая включает на этот раз действительно двух собеседников. Такой сдвиг является естественным развитием рокайльного мировосприятия с его тягой к интимному, бытовым мелочам, заостренности на деталях частной жизни. Одновременно с этим в письмах Гримма рокайльное выражение чувств сливается с сентименталистской тягой к интимной откровенности и ощущением своей личной, уникальной связи с собеседником (поэтому литература этой эпохи тяготеет к «исповедальным» жанрам: дневникам и письмам).

Соприкосновение галантного и интимного в переписке Гримма с С. Румянцевым проявляется, в первую очередь, в том, что Мари-Клер Грасси называет «признаниями»: речь идет о том, чтобы «обрисовать, представить свой характер и основные черты своей личности вплоть до самого сокровенного»¹⁷. Гримм неоднократно переступает этот порог интимности. Он вспоминает эпизод из своего прошлого: «Я их [стихов] и впрямь немало написал для моей любовницы, и она их до сих пор читает на вечерах в Регенсбурге, вспоминая о наших то бурных, то сладостных отношениях, похожих на те, что связали меня и mein Liebhen в той коляске» (6 марта 1775, д. 40, л. 16). Ирония автора над собственными поэтическими опытами очевидна, но более интересно здесь тонкое переплетение галантной двойственности и почти грубой интимности. Гримм не стесняется в вы-

ражениях, используя термины *maîtresse*, *amours orageux et délicieux*, но включает их в контекст своей «слабости» к молодому другу, что создает зыбкий двусмысленный эффект, понятный только ему и его собеседнику. Такое сочетание противоположных настроений во многом свойственно XVIII в., когда рококо и сентиментализм, по выражению Н. Т. Пахсарьян, порой выступали в «синкретической нерасчлененности», где «противоположные составляющие без конца перетекают друг в друга»¹⁸.

Иные примеры рокайльно-сентиментального взаимодействия искренности, чувствительности и откровенности являют письма, в которых речь идет о болезни подруги жизни Гримма госпожи д'Эпине: «Считайте, что тот, у кого сейчас больше всех поводов для горя, это тот, кто Вас любит, mein Liebhen, хоть Вы никогда с ним не соглашаетесь. Но так как это горе происходит от ударов судьбы, которые невозможно ни остановить, ни задержать, он их проглатывает, ожидая окончательного решения. Именно тот, кто каждый день видит страдания, но не может их остановить и страшится думать об их конце, по-настоящему достоин жалости» (20 февраля 1775, д. 40, л. 15). В этом случае возможности галантного стиля с его недосказанностью, фигуративностью, во-первых, позволяют Гримму смягчить остроту одной из самых интимных тем его жизни и даже не произносить имени подруги, а во-вторых, в отличие от предыдущего примера, дать усредненную картину человеческого страдания, понятную достаточно широкому кругу читателей. При этом тема сопереживания чужому страданию выражена в определенно сентименталистском ключе. Наконец, высокая степень интимности писем сказывается в сюжетах более обыденных, особенно когда речь идет о стесненном финансовом положении Румянцевых. Чаще всего эта тема затрагивается в связи с организацией поездки в Италию, средств на которую не хватало. Гримм выступает в качестве советчика, при этом тон его писем уже невозможно назвать галантным: легкая ирония, игра слов и масок уступают место практической сметке делового человека. Этот переход означает и сдвиг в сторону частного письма, так как Гримм, если и не подчеркивает строгую единичную адресность своего послания, но дает понять, что оно предназначено для узкого круга лиц, ограниченного семьей фельдмаршала Румянцева.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что характерные черты диалогичности и в особенности развития интимного внутри галантной модели в переписке Гримма и графов Румянцевых не исчерпываются перечисленными примерами. Эта переписка отражает индивидуальные особенности манеры Гримма, его стремление создать и удержать огромную эпистолярную сеть, которая не включена в его светскую жизнь в Париже и составляет отдельный пласт его социабельности, отделенный от салонной культуры галантной бе-

седы. При этом отраженные в переписке концептуальные сдвиги жанра на рубеже XVIII–XIX вв. дают новое представление о месте галантного стиля в развитии жанра, о его роли в переходе к интимно-частному письму, в глубоких изменениях в понимании эпистолярности и формировании современного ее видения, которое проистекает из сложного взаимодействия рокайльного и сентименталистского мироощущений в XVIII в.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: *Карп С.* Путешествие графов Н. П. и С. П. Румянцевых с Ф. М. Гриммом по Италии (1775–1776) // Из России в Италию. Творческая интеллигенция и Рим (XVIII – XIX век). – Dalla Russia in Italia. Intelletuali e artisti a Roma (XVIII e XIX secolo). Salerno, 2015. С. 41–56.
- ² Цит. по: *Schmitz D.* La théorie de l'art épistolaire et de la conversation // Art de la lettre. Art de la conversation à l'époque classique en France. Paris, 1995. P. 19.
- ³ *Fumaroli M.* De l'Age de l'éloquence à l'âge de la conversation // Ibid. P. 41.
- ⁴ *Melançon B.* Diderot épistolier : contribution à une poétique de la lettre familière au XVIII siècle. Montréal, 1996. P. 251.
- ⁵ Ibid. P. 282.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Все цитируемые письма написаны в Париже в период с 1774 по 1783 г. Архив хранится в Научно-исследова-

тельском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), фонд 255 (Румянцевы), картон 7, дела 27–42. Здесь и далее дата, номер дела и листа даются в скобках в тексте статьи (перевод с французского наш. – Е. С.).

- ⁸ *Lilti A.* Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIII siècle. Paris, 2008. P. 287.
- ⁹ *Melançon B.* Op. cit. P. 60.
- ¹⁰ *Altman J.* Epistolarity : approaches to a form. Ohio, 1982. P. 136.
- ¹¹ *Пахсарьян Н.* Галантность // Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения. Энциклопедический путеводитель / под общ. ред. Е. А. Цургановой, Е. А. Махова. М., 2010. С. 317.
- ¹² *Румянцев С.* Автобиография // Русский архив. 1869. Кн. 1. С. 843.
- ¹³ См.: *Акимова Т.* Роль литературного творчества Екатерины II в становлении дворянского самосознания конца XVIII – начала XIX века. Саранск, 2013. С. 18–26.
- ¹⁴ См.: *Viala A.* La France galante. Paris, 2008. P. 44.
- ¹⁵ *Аверинцев С.* Древнегреческая поэтика и мировая литература // Аверинцев С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 153.
- ¹⁶ *Jovicic J.* L'intime épistolaire, 1850–1900 : genre et pratique culturelle. New Castle upon Tyne, 2010. P. 10.
- ¹⁷ *Grassi M.-C.* La naissance de l'intimité épistolaire (1750–1830) // Littérales. 1995. № 17. P. 73.
- ¹⁸ *Пахсарьян Н.* Французская «легкая поэзия» в эпоху Просвещения : рождение интимности // Гетевские чтения : сб. М., 2003. С. 152–153.

Образец для цитирования:

Сасова Е. А. Диалог в переписке Ф. М. Гримма с Н. П. и С. П. Румянцевыми: между интимным и частным // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 40–44. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-40-44.

Cite this article as:

Sasova E. A. A Dialogue in F. M. Grimm's Correspondence with N. P. and S. P. Rummyantsev: between the Intimate and the Private. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 40–44 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-40-44.